

Мишкова с 25

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Школьный этап,
11 класс

I. Аналитическое задание (70 баллов)

Вам предлагаются 2 текста. Выберите 1 из них (прозаический ИЛИ поэтический) и выполните задание к нему.

Выполните целостный анализ предложенного произведения. Вы можете опираться на данные после него вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Елена Долгопят
Часы

Когда-то, в общем не так давно, я готовилась стать экспертом-криминалистом, то есть училась находить человека по его следам, материальным и нематериальным, видимым невооружённым или только вооружённым глазом. Даже при современном уровне развития методов и приёмов восстановления облика и характера человека по одной капле его крови, по тембру голоса, по манере ставить запятые или разбивать текст на абзацы дело это непростое и лежит не столько в области науки (уж, во всяком случае, не только!), сколько — искусства. Так что человеку непосвящённому это может показаться волшебством, как, впрочем, может показаться волшебством осуществление химической реакции семиклассником (виолне возможно, что и самому семикласснику это кажется волшебством). Но есть поэты, и учёные, и певцы, и литераторы, которые даже посвящённым кажутся волшебниками. Они и сами не все так знают, но каким-то законом их мысль находит верное решение, а голос — верную интонацию. Тем самым они отлучаются, к примеру, от Шерлока Холмса, рассказы о котором походят на сеансы чёрной магии с неизменным разоблачением в конце. Обаяние этих рассказов лежит где-то вне их, и непредусмотренной ими области, что, впрочем, тоже является волшебством.

Криминалистику я изучала два с половиной года. Занималась химией, физикой, математикой, юриспруденцией, психологией творчества, психологией обыденного сознания (что, между прочим, является самой неисследованной областью, — об отклонениях известно гораздо больше, чем о норме). Нам преподавали философию, риторику, механику, мы изучали все особенности всех известных на то время марок автомобилей, систем оружия...

Училась я с удовольствием, но криминалистом не стала. Я вышла замуж, родила двоих детей и превратилась в домашнюю хозяйку. Мои обширные познания я передаю детям, пока им интересен мир. Дом наш большой и старый, и живёт здесь много одиноких стариков.

В прошлом многие из них были люди известные, заслуженные, артисты, учёные, художники. Старики живут по расписанию: в одно и то же время встают, завтракают, смотрят новости по телевизору или прочитывают газету, прогуливаются, сидят в скверике на скамейке, если позволяет погода, наблюдают за текущей мимо них жизнью. Идут в магазин, где все продавщицы их знают и спрашивают о здоровье.

Старики возвращаются домой, готовят обед, слушают радио, разговаривают в дух сами с собой или с диктором, звонят по телефону оставшимся в живых друзьям или соседям.

Есть, конечно, такие, кому и позвонить некому. Есть и такие, кто уже совсем не выходит из дому. Сердобольные соседи приносят им из магазина еду, убирают раз в неделю по квартире, разговаривают. Я сама ухаживаю за одной такой старушкой на нашей площадке.

Старушка работала когда-то звукооператором в кино, в её альбомах — фотографии великих режиссёров и актёров, живых лет и несколько поздравительных открыток от создателя первого нашего сериала.

Когда-нибудь я расскажу странную историю, приключившуюся с ней в 1935 году в санатории «Красная Ривьера» во время февральского инорма. Смысл этой истории проявился через полвека.

Но вернёмся к старикам, живущим по расписанию.

Иван Андреевич Бременко был когда-то парикмахером и ещё лет пять назад принимал клиентов на дому. Брат он дорогой, но один раз, после рождения моего первого ребёнка, я у него подстрилась. Мои кудрявые от природы волосы совершенно выпрямились после родов, я не могла узнать себя в зеркале. Иван Андреевич вернул мне лицо. Помню, я ждала своей очереди, перелестывая альбом по свадебно-животной и из многочисленного собрания Ивана Андреевича. Сейчас он не стрижёт — дрожат руки, зарабатывал Иван Андреевич всегда хорошо, часть денег откладывал, а часть тратил на свою коллекцию часов. Там были и солнечные часы, и водяные, и песочные, и механические, впервые

сконструированные Гюйгенсом в 1657 году. Хронометры, наручные, настенные, напольные... Были и знаменитый брегет — карманные часы с боем, показывающие, кроме часов и минут, числа месяца. Впрочем, я эту коллекцию не видела, так как Иван Андреевич берёт её от постороннего глаза: но от слуха уберечь её было невозможно — часы шли, били, играли мелодии, звенели колокольчиками. Так что всякий, переступивший порог дома, слышал эту странную какофонию, приглушённую замкнутыми дверями комнаты, в которой собственно и хранились драгоценные часы. Иные из них, как рассказывает внос следствия Иван Андреевич, были с украшениями из алмазов и сапфиров, в серебряных, золотых и даже платиновых корпусах; но были и представляющие исключительно историческую ценность, принадлежавшие знаменитым в своё время, и даже по сей день, личностям.

В любую погоду, даже в снежную бурю или в грозу с раскатами грома, ровно в десять часов утра Иван Андреевич выходил из дома.

Нашим переулком он шёл на Тверскую. В доме за Телеграфом жила подруга Ивана Андреевича, ныне забытая певица Ляля Корчагина.

Ляля не выходила на улицу пять лет, даже по квартире она передвигалась с большой осторожностью. Ключ Ивана Андреевича был собственным ключом от её двери. Больше всего он боялся застать Лялю мёртвой. Десятого сентября этого года Иван Андреевич вошёл в квартиру Ляли и не застал никого. Он позвонил соседям. Ему сказали, что Ляля в больнице, но в какой, им неизвестно. Телефон у Ляли не работал, и Иван Андреевич решил вернуться домой, чтобы обзвонить все больницы. Таким образом, домой Иван Андреевич возвратился на час раньше обычного. В дверях подъезда, украшенных гербом Советского Союза, он столкнулся с человеком, которого запомнил, более того, человек этот напомнил ему кого-то. От человека исходил странный запах.

Войдя в квартиру, Иван Андреевич услышал тот же запах. Двери заветной комнаты были взломаны. В коллекции не хватало нескольких ценных, небольших по размеру экземпляров.

Грабитель работает аккуратно. Никогда не брал громоздких вещей, то есть всегда выходил налегке. Никто из ограбленных стариков его не видел, кроме Ивана Андреевича. Иван Андреевич оказался, так сказать, первым следом, оставленным преступником.

Восстановить по этому следу облик человека оказалось практически невыполнимой задачей. Иван Андреевич не мог его описать. Невозможно было добиться ни одной точной приметы. Художник, пытавшийся составить фоторобот, измучился. Ни овал лица, ни разрез глаз, ни форму носа, ничего они не могли определить. — Иван Андреевич отвергал все возможные варианты. Запах этого человека был и запахом ванили, и запахом дешёвого «Лесного» одеколона, и запахом трубачного табака и не отвечал ни одному из запахов, представившихся Ивану Андреевичу на пробу.

Как-то днём, когда дети мои были на уроках, Иван Андреевич позвонил мне по телефону. Он никогда не заходил без предварительного звонка. Я поставила чайник, достала мягкие, час назад испечённые булочки, сливочное масло, абрикосовый джем.

Иван Андреевич пришёл, как всегда, гладко выбритый, в свежайшей крахмалёной рубашке. Мы ванили чаю, поговорили о будущем моих детей, и он изложил свою просьбу. Он хотел, чтобы я помогла ему ясно и чётко описать того человека.

Из прежних знакомых оставалось у меня несколько, с кем не прервалась связь. Один из них — артист в своей профессии, человек, малоизвестный даже среди специалистов, за консультацию у которого в другой стране платили бы сумасшедшие деньги. Меня он любил и потому не отказался потратить своё время, выслушать всю историю и обдумать. Разговаривали мы по телефону. Я последовала совету моего консультанта.

В ярком круге настольной лампы мы с Иваном Андреевичем рассмотрели репродукции из многочисленных живописных альбомов, собранных им за всю жизнь. На третий вечер Иван Андреевич узнал грабителя. Он был рыцарем со строгим лицом, только что убившим противника в честном поединке. Рыцарь сиял шлем. Заходящее солнце смотрело в его усталое лицо. Портрет был написан пять веков назад.

Именно по этому странному портрету преступник был опознан.

Я подумала тогда, что следы наши появляются в мире задолго до нас. И мысль эта долго тревожила меня и не давала покоя.

2016

Опытные вопросы

1. Обратите внимание на жанровые особенности произведения: какое место в нём занимает детективный элемент? Мемуарная?
2. Как изображение событий соотносится с размышлениями повествователя, а частные истории — с общими закономерностями жизни?

3. Какова роль предметной детализации в повествовании? Какое значение получают «случайные», сюжетно не мотивированные подробности (герб Советского Союза на дверях, старые поздравительные открытки в альбоме соседки)? Какие детали, наоборот, выделены и намеренно соотношены друг с другом?

4. Почему, на ваш взгляд, рассказ о том, как был опознан и найден преступник, назван «Часы»?

Примечание. Предложенные вам направления для анализа носят рекомендательный характер: их назначение — лишь в том, чтобы направить внимание на существенные особенности проблематики и поэтики текста. Вы можете выбрать собственный путь анализа.

Поэзия. Выполните целостный анализ стихотворения Александра Кушнера «Времена не выбирают...», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- особенности композиции стихотворения;
- образный строй стихотворения;
- особенности строфики и ритмики;
- своеобразие авторского речевого решения традиционной для русской поэзии темы

Александр Кушнер

Времена не выбирают,

В них живут и умирают,

Большой пошлости на свете

Нет, чем кланяться и петь,

Будто можно те на эти,

Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный,

Но дымится сад чудесный,

Блещет тучка: я в пять лет

Должен был от скарлатины

Умереть, живи в невинный

Век, в котором горя нет.

Ты себя в счастливицы прочтешь,

А при Грозном жить не хочешь?

Не мечтаешь о чуме

Флорентийской и проказе?

Хочешь ехать в первом классе,
А не в трюме, в полутьме?

Что ни век, то век железный,

Но дымится сад чудесный,

Блещет тучка: обниму

Век мой, рок мой на прощанье,

Время — это испытанье,

Не завидуи никому.

Кренко тесное объятие,

Время — кожа, а не платье,

Глубока его печать,

Словно с пальцев отпечатки,

С нас — его черты и складки,

Придвинулись, можно взять.

1978

Автор обращается к читателю с мыслью, что человек не может выбрать период, когда ему родиться. Хорош в сочетании с тремя разными орошениями рифмы.
Манр: пирика с аинасарским подтекстом.
Эпитеты: «век железный», «сад чудесный», «тесное объятие»
Эпитеторенце: «блещет тучка», «дымится сад», «обниму век мой»
Метафора: «большой пошлости на свете», «горя нет», «ехать в первом классе», «время-кожа»

K1-1

K2-0

K3-1

K4-0

K5-0